

№ 10 К

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

30 лет искусства - 1991 - 31 мая

Юлия
Махалина

19

— Юля, вы согласны по возможности подробнее рассказать о своей жизни, о том, что волнует, о мечтах и планах!

— Ну, в общем, да.

— Только откровенно.

— Хорошо, постараюсь. Мне 22 года, из них 5 работаю в Кировском театре.

— Как начиналась творческая биография!

— С того, что у меня заболела нога. Мне было 5 лет, и врач посоветовал отдать меня или в танцевальный, или в спортивный кружок: нужна была постоянная гимнастика. Моя мама, бухгалтер, когда-то сама мечтала стать балериной, папа, инженер, в прошлом учился в музыкальной школе. Может быть, еще и поэтому они и решили отдать меня в кружок танца. Я относилась к занятиям очень несерьезно, но педагог посоветовала родителям отдать меня в хореографическое училище.

«Ваша дочь родилась балериной», — сказала она. Так я оказалась в Ленинградском хореографическом училище им. А. Я. Вагановой. Сначала в подготовительной группе, потом взяла в 1-й класс, хотя и не сразу. Большую роль в моей жизни сыграл К. М. Сергеев, который очень следил за мной, за моим развитием. Класс наш был трудный, педагоги все время менялись. В первые три года обучения «поставила» меня на ноги Ирина Леонидовна Баженова. А оканчивала училище я у Марины Александровны Васильевой. Никаких мыслей о Кировском театре у меня не было. Конечно, мечтала о нем всегда...

А пока перед выпуском почти уже заключила договор с львовским театром. И вдруг, когда подписывали распределение, мне предложили театр им. Кирова. Как сейчас помню, это было 10 июня 1985 года. На всю жизнь запомнила этот день. Так я пришла в Кировский.

— Как все начинающие — встала к «воде»!

— В принципе, конечно. Хотя вообще в кордебалете танцевала очень недолго. Как-то на общей репетиции ко мне подошел Г. В. Шрейбер и предложил выучить 2-ю картину «Лебединого». Я была счастлива и стала учить больших лебедей. И вдруг через день он меня спрашивает, кто будет моим партнером. Это был шок. Я поняла, что речь идет об Одетте, а мне было всего 17 лет и я даже не мечтала станцевать ее так рано, хотя бы только в одной картине.

Труппа уехала на гастроли, а мы с М. Васильевой стали учить Одетту. И мне стали предлагать вариации, трио, Уличную танцовщицу, Мирту... Одновременно, конечно, и кордебалет. Когда труппа приехала из поездки, на меня обратила внимание О. Н. Моисеева и начала

со мной заниматься. В класс я ходила к Н. Ф. Уховой, т. к. Олег Михайлович Виноградов считал, что мне полезно пройти школу кордебалета. Так вот и началась моя «жизнь в искусстве». Самая крупная моя первая работа, если говорить о спектакле, была в «Корсаре», когда спектакль ставился. Ходила на репетиции, учила порядок и с Ольгой Николаевной Моисеевой подготовила Медору, танцевала четвертый спектакль. Мне было 18 лет и это был первый большой выход. Как это было ответственно, понимает каждый, тем более, что Медору танцевали наши звезды.

— Сейчас у вас уже большой репертуар. Как вы готовитесь к вечернему спектаклю — повторяете порядок, отработываете технику!

— К спектаклю я готовлюсь заранее, а в день спектакля стараюсь меньше о нем думать. Главное для меня, чтобы вечером были «живые эмоции». Люблю послушать музыку Баха, Бетховена, Моцарта, Чайковского. Меня она очень вдохновляет. А что касается техники, она для меня не главное. Это должно быть само собой, стабильно. И достигается многодневными занятиями в классе.

— У вас есть кумиры! Кого вы считаете эталоном в балете!

— Одного кого-то назвать не могу. На многих хочу равняться. Плисецкая всегда «зажигала» в «Дон Кихоте» (я могу судить по пленкам); ее эмоции там неповторимы. Восхищает какое-то очищение, неподдельность чувств Улановой-Джувальты. А какая Колпакова в «Бабочке»! Просто гравюра. Восхищает податца Ченчиковой, ее балеринское начало, прыжки Тереховой... Будоражит трагическое начало Мезенцевой. Есть балерины, о которых думаю: «Она прелестна». А есть такие, которые волнуют до слез — вот именно такая Мезенцева в «Соборе Парижской богематери», Асылмуратова в «Баядерке»...

— У вас много друзей!

— Друзей у меня мало. Их не может быть много. Большим этапом стала для меня встреча с Андрисом Линой. Он так внезапно появился у нас в театре и сразу понял меня. Буквально с неба свалилось это счастье. Он раскрыл во мне такие черты, которые я в себе не знала. Он поверил в то, что у нас может быть дуэт. Андрис — большой мой друг. Я все время думаю о нем, и благодарна ему за то, что он помог мне обрести веру в то, что я делаю.

Сколько сделала для меня Ольга Николаевна Моисеева, как помогла она мне войти в репертуар — это все известно только нам двоим. Без нее вряд

ли можно было бы сейчас говорить обо мне как о балерине.

К Парижскому конкурсу нас с Игорем Зеленским подготовил Геннадий Наумович Селюцкий. Он тоже сыграл большую роль в моем творчестве. Его сила характера, эмоциональный запас и умение работать просто восхищают. Этот человек, уверена, желает мне только добра.

В Вашингтоне я познакомилась с Азарием Михайловичем Плисецким. Он тоже оказал на меня большое влияние. У него такой опыт — работал с Пети, Бежаром, Алисией Алонсо. Этот человек так много знает, мы очень сблизились с ним.

Все эти люди формировали во мне какой-то внутренний стержень, мне повезло, что я сблизилась с ними.

— Вы уже несколько слов сказали о Парижском конкурсе. Расскажите о нем поподробнее.

— Ситуация у нас была сложная. В Ленинграде мы не нашли спонсоров. В это время мы все были на гастролях — в США, надо было танцевать спектакли и одновременно мы с Игорем стали готовиться к конкурсу. Занимались в студиях. Олег Михайлович Виноградов за 2 недели до конкурса нашел французского спонсора и мы поехали в Париж. Там нас ждал Геннадий Наумович, с которым мы и подготовились к конкурсу. Танцевали под рояль в один вечер два па де де — Одиллии и Зигфрида, Китри и Базиля. А в финале конкурса только па де де из «Дон Кихота». Конечно, были счастливы, когда нам вручили Гран при.

— Но ведь была и еще одна премия вам, которая, признаться, удивила.

— Параллельно с конкурсом проходило награждение звезд итальянского, французского и американского кино. И некоторые члены комиссии присутствовали на втором туре нашего конкурса и присудили нам две премии как молодым начинающим артистам — премии Люмьер. Для нас это была большая честь: в этот вечер награды вместе с нами были вручены Стефании Сандрелли, Микель-анджело Антониони, Марселю Карне и др.

— Юля, у вас легкий характер! Какие его черты вас не устраивают!

— Характер мой формируется, я чувствую, что меняюсь. Я всегда знаю, чего я хочу и никогда не делаю того, чего не знаю и не чувствую. Жизнь меня закалила и воспитала силу воли. К сожалению, мне не хватает настырности в хорошем смысле этого слова. Например, я представляю, как должна выглядеть та или иная вариация, но настырности, чтобы сделать ее такой, у меня не хватает. Это

очень плохо. Мне надо это в себе преодолеть.

— Чем вы увлекаетесь кроме балета!

— Обожаю эстраду. Мечтала быть певицей, но особого голоса нет. Прельщают современные ритмы. Играю на рояле, синтезаторе. Это мне помогает в танце. Я во всем люблю современную ноту, и даже одеваюсь, как некоторым кажется — странно. А меня это стимулирует.

— Вы любите читать!

— Люблю, но не успеваю. Очень люблю философию. Папа подарил мне Карнеги. Я изучила книгу досконально. Обычно выписываю из книг все, что особенно хотела бы запомнить. Практически переписала всю книгу Карнеги. Всегда хочется докопаться до истины, размышляю над своими поступками. А вот в работе именно этой черты мне не хватает.

— Какие счастливые и несчастные мгновения уже были в вашей творческой жизни.

— Первое счастливое мгновение ощутила на третьем году работы в театре. Балерина отказалась танцевать «Лебединое» и за неделю до спектакля Олег Михайлович Виноградов предложил этот спектакль мне. За три дня мы с М. Даукаевым подготовили этот спектакль. Марат мне так помог. И когда я станцевала, это было такое счастье! О. Виноградов поздравил нас. Это была заявка на балерину. Второе мгновение — «Баядерка», когда О. Н. Моисеева похвалила за Никию, сказав: «Это успех». И третье, пожалуй, Гран при в Париже.

Горькие моменты? Их немало. Прежде всего серьезные травмы. Я танцевала несмотря на боль. Конечно, страдало качество спектаклей, я прекрасно понимала, что этого никто прощать мне не будет. И все-таки не могла не танцевать. Для меня 1988 год в этом смысле — год траура. Ни один врач мне не мог помочь. В Москве не смогла станцевать «Корсар». А уже в 1990 году в Лондоне на «Корсаре» получилась надрывная связка в конце прыжковой вариации. Но уже на второй день стала заниматься и быстро вошла в форму. Успешно прошло «Лебединое» в Бостоне. В Риме с Линой мы танцевали премьеру «Лебединого» в котором Олег Михайлович Виноградов поставил 4-ю картину. Это была очень интересная работа, жаль, что эти куски 4 акта у нас не идут.

Снялись сейчас с Игорем Зеленским в «Лебедином озере», которое снимала английская компания Робин-Скотт. Первый раз нас снимали пятью камерами: пять ракурсов, особая объемность.

Да, не могу не сказать еще об одном моменте. В честь 150-летия со дня рождения П. Чайковского шел спектакль «Лебединое озеро», он транслировался по телевидению. Мы танцевали с Андрисом Линой... Это была большая честь, танцевали с особым подъемом. И вдруг после вариации Одиллии мне бросили веник, увитый лентами. Я видела его и сначала не хотела поднимать. Убежала за кулисы и уже знала, что хорошо выполню фуэте, чувствовала в себе силы. И у меня появилось огромное желание показать, что мне преподнесли за такой танец. Было очень больно и обидно. И все-таки решила: подойду и с достоинством подниму этот «букет». И не боюсь стоять с ним. И если кто-то считает, что достойна его — пусть радуется. Андрис сказал: «Неужели мы выйдем на поклон?» Я сказала — «да».

И мы были потом так благодарны зрителям, которые аплодировали стоя.

— Вы знаете, сразу после спектакля в редакцию написали зрители, возмущенные этим случаем, чьей-то дикой выходкой.

— Да, мне тоже очень многие звонили домой, высказывали свое возмущение. Сейчас у нас много молодых танцуют главные партии. Но я была одна из первых, начавшая в 17 лет танцевать такой репертуар, что многих раздражало. И зря, т. к. если человеку дано, он все равно станет, и надо давать возможность людям проявить себя, т. к. вообще талант все равно пробьется, как трава сквозь камни. А если человек не тянет, то он все равно «сломается». И еще я считаю, что надо всегда уважать своих соперников. Сейчас молодежь много танцует. Этот процесс будет развиваться. В основном балет — искусство молодых или звезд, у которых можно учиться.

— С вашей точки зрения, какие сейчас наиболее серьезные проблемы в балете!

— Артисты перестали слушать музыку. Главное для балетиста — техника, хотя и она далека от совершенства. Иногда спросишь, как прошел спектакль. Отвечают: «никто не упал». На сцене перестали жить. А ведь танец — это жизнь. Когда чувствуется в артисте «искра божия» — сердце радуется. Молодые у нас талантливые, но надо стремиться к самосовершенствованию. И не только техники, но и характера, помнить: на сцене человек «голый», он хорошо виден. Конечно, если получается совмещение техники, музыкальности, одухотворенности — это прекрасно, это то, к чему надо стремиться.

— Какие роли вам особенно близки!

— Прежде всего Никия. Интересен поиск этого образа, характера. Очень люблю «Жизель» — самый трудный, по моему, спектакль. Я имею в виду образ Жизели. И, конечно, «Спящая». Но ни Жизель, ни Аврору я не танцую.

— А ближайшие планы!

— В феврале мы с Игорем едем в ФРГ, будем там учить спектакли Бежара, Макмиллана и других современных балетмейстеров. Это очень полезно. После современного репертуара по другому относишься к классике. Я помню, как мне помогла работа в «Пробе». Кстати, жаль, что «Проба» сейчас не идет.

— Юля, какая у вас цель в жизни!

— Я очень хочу, чтобы никто из зрителей никогда не говорил о нашем театре с безразличием. Жизнь тяжелая. Кажется, не до балета. Но именно театр очищает, возвышает. Если хоть в одной партии мне удастся «зажечь» зрителей — это счастье, значит, я не зря каждый день иду на урок, на репетицию.

Беседу вел
И. БОЯРИНОВА

